
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Ф.Г. Камкия

Кафедра теории и истории государства и права
Сочинский институт РУДН
ул. Куйбышева, 32, Сочи, Россия, 354348

Статья посвящена процессам модернизации в России. В частности, анализируются политическая и правовая культура политической элиты в истории России, а также практика модернизации. Автор делает вывод о том, что практика борьбы за права человека в российской истории модернизации не имел ведущего положения. Тогда как без достаточно надежного правового закрепления (институтами права) демократических преобразований, идеи обновления общества могут быть не реализованы и, как правило, легко наступают инверсивные процессы. Автор обращает внимание на особенности России и ее культуры, как предпосылки этатистской модели модернизации, при которой государство может и должно лидировать в либеральных преобразованиях.

Ключевые слова: правовая культура, средний класс, административная реформа, судебная реформа, успешная модернизация, социокультурные аспекты модернизации, юридический аспект модернизации, субъект модернизации, контрмодернизация, традиции, этнократия, преемственность правовой системы.

В XX в. правящим классом России предпринимались несколько попыток модернизации страны. Однако из-за его безответственности и как следствие некомпетентности ни одна из них не была осуществлена эффективно. Все усилия правящей элиты модернизировать Россию в 1906–1911 гг., феврале–октябре 1917 г., 1921–1927 гг., 1929–1940 гг., 1956–1961 гг., 1966–1970 гг., 1985–1990 гг. не привели к созданию компетентной власти, эффективной экономики, формированию массового среднего класса — главной социальной основы правового демократического государства и гражданского общества.

Неиспользованный шанс П. Столыпина в 1906–1914 гг. мог бы дать правящему классу России возможность сохранить себя, свою власть, собственность, финансовые ресурсы. Однако из-за своей нерешительности в проведении реформ, втягивания царем и его окружением России в Первую мировую войну власти пропустили этот шанс и потерпели катастрофу.

Надо полагать, аграрная реформа П. Столыпина в 1906–1911 гг. не создала условий для мотивации к высокопроизводительному труду. В итоге она не привела к повышению уровня производительных сил, укреплению рыночных основ экономики, формированию широкого слоя крестьян-собственников, который должен был, по замыслу реформатора, стать основным источником формирования российского среднего класса — прочного фундамента гражданского общества и правового государства.

Административная реформа П. Столыпина не обеспечила становление развитого местного самоуправления, формирование ответственной и как следствие компетентной и сильной власти в регионах Российской империи. Судебная реформа П.Столыпина не привела к скорому, правому и справедливому суду. Как результат, модернизация России не состоялась. Правящий класс потерпел крушение и, по сути, был уничтожен.

Данные уроки не будут усвоены и в дальнейшем, в частности, Временным правительством. После февральской революции 1917 г. народ ждал от новой власти такой политики, которая бы сочетала решение вопроса о войне с глубокими социально-экономическими преобразованиями внутри страны. Однако новая власть была не способна их осуществить. И либералы, и умеренные социалисты во Временном правительстве оказались такими же безответственными и некомпетентными, как и царское правительство.

Поэтому оно также было обречено на крушение. Несмотря на то, что в марте–апреле 1917 г. Временное правительство ввело широкие демократические права и свободы, вместе с тем оно не сделало главного — не создало благоприятных условий для мотивации к производительному труду. Данные условия должны были заключаться в обеспечении соблюдения закона, проведении аграрной реформы, стимулировании бизнеса в открытии новых рабочих мест.

Временное правительство, чтобы сохранить страну и себя, обязано было создать систему социальной помощи и защиты инвалидов войны, сирот и бездомных за счет перераспределения сверхдоходов крупного капитала. Наконец, Временное правительство оказалось не способным достойно вывести Россию из мировой войны.

Все это привело к уничтожению власти либералов, умеренных социалистов и приходу нового правящего класса в лице левых радикалов — большевиков, взявших на себя ответственность осуществления необходимых преобразований. Однако первые же действия новой власти привели Россию к гражданской войне. Военный коммунизм не мог быть движущей силой реформ, поэтому партия большевиков прибегла к новой экономической политике.

Стремление правящего класса провести модернизацию России с помощью новой экономической политики в 1921–1927 гг. оказалось нерезультативной. Это было обусловлено тем, что НЭП также не создал необходимых условий для мотивации к частной инициативе и производительному труду ни в деревне, ни в городе. Правящий класс не пошел на развитие полноценных рыночных отношений, создание правового государства, местного самоуправления.

По сути, НЭП был имитацией необходимых преобразований в стране. В результате экономика оставалась неразвитой, уровень жизни народа низким, а общество слабым. Оставаясь безответственной, власть в условиях НЭПа оказалась не способной управлять государственными ресурсами. Все это усугубляло состояние и без того малоразвитой страны.

Отсталость страны в условиях нарастания внешней угрозы диктовала острую необходимость ее модернизации, которую надо было провести в короткие

сроки. Следовательно, правящий класс мог осуществить ее только насильственным способом. В 1929–1940 гг. в духе военного времени была построена жестко централизованная государственно-политическая система управления, которая сумела обеспечить концентрацию имеющихся ресурсов на главных направлениях.

Сочетая принуждение и моральные стимулы, используя репрессии, страх и энтузиазм, мобилизационная вертикаль управления осуществила мощный рывок в развитии производительных сил. Это позволило обеспечить крупные достижения в образовании, здравоохранении, науке, культуре, социальной защите. За все это была заплачена огромная цена.

К началу — середине 50-х гг. XX в. мобилизационная модель реформ исчерпала все свои ресурсы. Попытки правящего класса осуществлять модернизацию страны в 1956–1961 гг. и 1966–1970 гг. с помощью безответственной, а потому слабой государственной власти были обречены. Несмотря на то, что в эти годы имел место определенный рост производства, он не сопровождался интенсивным развитием, поскольку не вел к подъему производительности труда, инновациям, диверсификации экономики. Она зависела от цен на нефть и оставалась неэффективной.

Несмотря на рост доходов в 70-е гг. благодаря высоким мировым ценам на нефть, экономика, а вместе с ней и страна, не двигались вперед. Рост без развития — это феномен застоя. Он предопределил отсталость страны в высоких технологиях, наукоемких производствах, инновациях, новой и востребованной продукции, уровне жизни народа, в конечном итоге — в качестве человеческого потенциала.

Действительно, неэффективная экономика СССР была не способна не только на равных конкурировать с развитыми экономиками ведущих стран, но и даже накормить собственный народ. Экономика страны не позволяла удовлетворять людей не то что комфортным, но даже необходимым жильем. Отсталая экономика не могла поддерживать на требуемом уровне образование, развивать современное здравоохранение, обеспечивать высокий уровень науки и культуры. Все это предопределило в 1985–1990 гг. перестройку, которая стала последней попыткой правящего класса СССР модернизировать страну, к сожалению, закончившейся провалом и распадом государства.

Отсутствие веры в право как одного из существенных факторов модернизации общества не способствовало осуществлению успешной модернизации. Впрочем, отечественное состояние права не может не отражать и эту существующую реальность.

Модернизационные процессы осуществлялись преимущественно без правовых механизмов, без закрепления прав и свобод человека, без правовых гарантий прав и свобод человека, были направлены на массовый успех, основываясь на идеологии и волюнтаристских способах принятия решений. Тогда как успешная модернизация имела место там, где она шла путем борьбы за права и свободы в качестве ведущего фактора как в средствах (правовых механизмах), так и в целях (права человека).

Анализу модернизационных процессов в научной литературе подвергались преимущественно социокультурные аспекты. Правовым основам модернизации посвящено не так много работ, пожалуй, это материалы круглого стола, проходившего в Институте государства и права РАН, в повестке дня которого стоял вопрос именно о правовой модернизации [3], материалы международной конференции, посвященной проблемам модернизации правовой системы современного российского общества [4], и были защищены диссертационные исследования [1. С. 5–26; 6].

Для ранних теорий модернизации было характерно мнение об универсальном, «общечеловеческом» характере взглядов, представлений и ценностей (в том числе и правовых) Запада, об их безусловной применимости в любой точке земного шара. Юридический аспект модернизации связан с теорией модернизации, которая прошла следующие этапы.

Первый этап. Теории модернизации 50-60-х гг. представляли собой одно из направлений теорий общественно-исторического развития, которые сложились в европейской науке в Новое время. Универсализм этих теорий заключался в том, что развитие общества рассматривалось представителями этой теории как всеобщий процесс, имеющий универсальные закономерности и этапы для всех стран и народов. Нельзя сказать, что на данном этапе совершенно отвергалось то особенное, что было характерно для эволюции различных народов. Однако такие особенности считались «либо несущественными, второстепенными, либо разными стадиями, участками на одном и том же пути развития общества» [7. С. 6].

Такой подход был основан на технологическом детерминизме, который провозглашал, что развитие человечества имеет в своем источнике прогресс технологии и экономики, который, в свою очередь, приведет к всемирному благоденствию и решению социальных проблем. Понимаемый таким образом прогресс должен был размывать социокультурные и политические особенности разных стран. Стремление модернизироваться понималось как достижение единых целей на основе сходных в своей основе ценностей, приводящих к «концу истории». Автор стадии теории экономического роста У. Ростоу обосновывал в качестве высшей ступени человеческого развития «общество массового потребления», к которому должны стремиться все народы [11].

Главным условием успешного проведения политики модернизации было объявлено скорейшее и полное уничтожение всего традиционного, архаичного.

Однако уже на этом этапе развития теории модернизации стали принимать в расчет социокультурные факторы преобразования. Некоторые исследователи начали выделять «психологические» моменты модернизации, а также обращать внимание на то, что в ходе преобразований возможна реакция, связанная с отторжением частью восточного общества чуждых ему западных ценностей, образа жизни, стандартов поведения.

Постепенно приходило понимание того факта, что модернизация общества не сводится только к экономико-техническим и технологическим проблемам и что не все традиции должны быть пересмотрены и переоценены в процессе пе-

ремен — в частности, такое исследование на примере модернизации России и Японии было проведено в 1975 г.

В целом, для этого периода характерно представление о развитии как о количественном росте экономики.

Второй этап связан с противодействием в развивающихся странах теориям и в особенности практикам модернизации, основанным на универсализме. Причем, как правило, не подвергалась сомнениям сама необходимость ускоренного развития в этих странах. Критики теории модернизации делали упор на необходимость учета национально — культурной специфики развивающихся стран, отмечая отсутствие социального субъекта модернизации — человека, склонного к индивидуальной инициативе и воспитанного на пуританских принципах расчетливости и бережливости.

Более того, обосновывалось, что теория модернизации есть завуалированная форма расизма, ведущая к уничтожению собственной оригинальной культуры развивающихся стран. Утверждалось, что западная культура абсолютно чужда этим народам и может существовать только в отдельных сегментах общества, разделяя последнее на две чуждые друг другу части. В качестве лечения предлагался путь самоизоляции, ликвидации «западного сегмента» общества, путь крайнего отрицания какой-либо модернизации, возвращение к собственным исконным ценностям.

Справедливости ради следует еще раз отметить, что в основном критиковалась не идея модернизации как таковая, а ее методологическая предпосылка — универсализм.

Третий этап развития теории модернизации — возникновение теории «модернизации в обход модернити» — связан с теми проблемами, с которыми столкнулись западные страны в конце 60-х гг.

Проблемы эти касались изменения характера субъекта модернизации на Западе, того самого «*Homo economicus*» -экономического человека. Чисто экономические мотивы к труду и предпринимательству начали утрачивать свою роль в развитии общества, большую роль стали играть иные, социокультурные потребности человека.

Концепция линейного прогресса, ставшая краеугольным камнем теорий модернизации, и базирующаяся на том, чтобы решать общественные проблемы на основании развития производительных сил и увеличении производства, подвергалась серьезной критике. «Ни революция, ни техника не обновляют условия жизни человека» [8. С. 340].

Практика действительно показала, что, несмотря на радикальную смену идеологии в России на социалистическую, радикальное изменение социального уклада общества при жесткой роли государства и государственной власти, сохранились традиции восприятия власти и принципы легитимации.

Благодаря этому резкое изменение и отрицательное в целом отношение к прошлому (религиозно-монархические традиции) не привели к окончательному распаду социальности на новом этапе развития российского (советского) обще-

ства, так как рождение и возведение коммунистического проекта воспринимается как новая версия прежних традиций, выразившихся в смене одних сакральных образов и идей другими. Фактически была признана огромная роль социальных и морально-этических регуляторов в жизни общества, необходимость дополнения экономического регулирования социальными и моральными нормами.

Учет огромной роли традиций, роли человека и социокультурных аспектов жизни общества исключал жесткое противопоставление традиционного и современного общества и открывал дорогу к новому пониманию модернизации.

Так, уже в 1967 г. было обращено внимание на то, что сама модернизация в Западной Европе опиралась на определенные традиции общества, следовательно, противопоставление традиций и модернизации (традиции как тормоз и помеха модернизации) выглядит по меньшей мере, некорректно; делался вывод о том, что модернизация не обязательно должна разрушать традиционность [9]. Такие предположения подтверждались на практике модернизация Японии, Тайваня, Сингапура, Кореи и т.д. Более того, в исследованиях известного ученого С. Айзенштадта утверждается важный вывод о том, что традиции общества во многом определяют ход и черты самой модернизации, а приверженность общества собственным традициям действует как стабилизирующий фактор, придавая модернизации устойчивость и последовательность [10].

В отечественных исследованиях мы находим такой практический вывод: модернизация должна основываться на моделях, свойственных историческому, культурному контексту каждой страны, но не говорится о борьбе за права человека, при которой, сохраняя традиции российского этатизма, государство может и должно лидировать в либеральных преобразованиях [7. С. 18].

Сегодня, очевидно, необходимо заключение общественного договора на предмет средств и способов воплощения конституционных прав и свобод человека. Отсюда — важность развития таких механизмов и институтов, которые способны реализовать таких как укрепление Парламента РФ за счет в частности, ежегодного отчета Председателя Правительства РФ и укрепления партийной системы и публичных политических институтов (митингов, демонстраций, шествий). Особенность переживаемого периода, как нам представляется, заключается в том, что борьба за реализацию прав и свобод человека в условиях РФ обретает собственный контекст и опыт, и в этом закономерность, так как невозможно перенести и воплотить готовую формулу. Укрепление демократических институтов создают реальную предпосылку в реализации прав человека, а также условия для общественной стабильности и легитимности власти. Так как «история учит, что модернизационные реформы могут быть успешными лишь тогда, когда люди сами являются творцами своей жизни, а значит — в той или иной форме — и участниками правотворчества» [2. С. 205].

На практике на постсоветском пространстве имеет место, а в ряде случаев и в крайней форме, противопоставление «традиции» и «современности», в результате которого появляются признаки архаизации общества. Примером могут

служить практики безусловного чиновничества, высокая степень кровнородственных связей в доступе к власти и распределении социальных благ, этнократия и т.д. Данные модели могут рассматриваться как разновидность «антимодернизации».

В начале 90-х гг. в России осуществляется практика модернизации в отсутствие российской концепции прав человека, при которой права человека ограничиваются идеей общего блага.

На постсоветском пространстве процессы неорганической модернизации или антимодернизации подпитывались концептами «не изобретать российский велосипед», поскольку «все уже изобретено» и готово для немедленного внедрения в России.

Сегодня в России, к сожалению, все еще довольно слабо присутствует осознание того факта, что роль политических и правовых институтов определяется тем, насколько они способны разрешить возникающие конфликты данного общества на новой ступени исторического развития и обеспечивая преемственность культурной и общественной целостности.

Обновление общества начинается с осознания кризиса и с поисков путей и средств его разрешения, которые специфичны для каждого общества и начинаются с перемен в духовной сфере, в области культуры. Попытки представить дело так, будто модернизация начинается с перемен в экономических отношениях, а затем уже охватывает социальную сферу, политику, право, культуру, идеологию, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Перемены происходят и в связи с переменами в праве.

Например, ошибочное представление о формировании высокого правосознания без развития права собственности привели к правовому нигилизму. Законность не предшествует развитию права собственности, а наоборот, собственность (право на собственность) формирует законность.

Отставание в выработывании в законодательстве России норм, гарантирующих равенство прав собственности, выражается в существующей связке власти и собственности. О важности завершения процесса институционализации права собственности, свидетельствуют слова В.В. Путина: «Надо развязать связку “власть и собственность”» [5].

В странах СНГ, а также в признанных позже Абхазии и Южной Осетии требования законности не привели к успеху. После окончания войны 1992–1993 гг. политическая элита не провела правовую реформу в отношении собственности, что привело к отсутствию ответственного гражданина-собственника. Отсутствие взаимности в соблюдении прав и обязанности государства и общества привели к правовому нигилизму и в других странах постсоветского пространства.

Право само является способом и инструментом реализации определенного нравственного идеала, который обычно называют справедливостью. Право неотделимо от моральных, духовных, культурных основ общества. Успешная модернизация России невозможна без синхронизации реформирования всех основ общественной жизни в целом с реформированием самого права.

В отличие от других областей культуры право в формально-юридическом смысле — самая консервативная ее часть. Напротив, право в материальном значении обладает такой же динамикой, как мораль и общественное мнение. В этом случае роль права в процессе модернизации общества и государства весьма значительна — право решает главную задачу любой модернизации, а именно — оно способствует появлению нового субъекта в ступени цивилизационного развития.

Право в форме притязания, интересов, требования, действия является двигателем модернизации.

Например, правовые притязания быть свободным от влияния коммунистической идеологии выразились в требовании изменения Конституции страны, правовое притязание иметь право собственности на землю изменили нормы в законодательстве. Бесспорно, сегодня имеющие место протесты против несправедливости в судопроизводстве и выдвигаемые требования реализации права на равенство в правосудии ускоряют судебную реформу в России. Борьба за право на достойное благосостояние соответственно вынуждает вносить изменения в бюджет страны и реформирование социального законодательства.

Право в формально-юридическом смысле — один из основных государственных инструментов модернизации, ибо только в правовой форме реформируются все главнейшие институты общества, и от того, как используется этот инструмент, какое место он занимает в системе рычагов, с помощью которых власть пытается преобразовать общество и от того, как общество относится к этому инструменту, насколько общественное правовое сознание принимает или не принимает правовые нормы, зависит и успех реформ.

Таким образом, проблемы, связанные с теоретическими аспектами модернизации права в России, могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, необходимость определения понятия модернизации общества и модернизации права.

Во-вторых, необходимо указать на особенности протекания процесса модернизации в России. Для этого необходимо будет, в частности, остановиться на вопросе о содержании модернизации как борьбе за права человека.

В-третьих, необходимо рассмотреть вопрос о модернизации в праве или правовой модернизации, поскольку право является и субъектом и объектом модернизации, то есть, изменяя общество, оно должно с необходимостью изменяться само, поскольку, не усовершенствовав сам инструмент, невозможно с его помощью совершенствовать еще что-либо. И в вопросе о направлениях модернизации российского права с неизбежностью придется столкнуться с рассмотрением таких вопросов, как понимание права в России, правовые традиции России, особенности российского правосознания и правовой идеологии.

Следовательно, процесс модернизации, охватывающий общество, основывается на праве в материальном смысле через такие формы, как правовое сознание, правовые притязания, интересы, потребности, действия, и затрагивает и правовую систему общества.

Правовые реформы в различных сферах жизнедеятельности общества в России носят запаздывающий характер. Необходимо искать возможности появления в российском праве оригинальных конструкций и институтов.

Право — главный инструмент государства в осуществлении модернизации всей общественной системы, в то же время само право — объект модернизации.

Таким образом, на нынешнем этапе модернизации требуется дальнейшее укрепление правовых институтов, которые создадут предпосылки для реализации прав человека. Поэтому процесс модернизации российской правовой системы должен иметь органическую направленность и не нарушать преемственности в развитии правовой системы. Общественный договор должен быть заключен на предмет пути, процедуры, средств, способов реализации положений Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белинков А. В.* Модернизация права в России: теоретический анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.
- [2] *Зорькин В.Д.* Освободительные реформы и правовая модернизация России // Правоведение. — 2011. — № 5. — С. 199–215.
- [3] Материалы круглого стола «Конфликт закона и правовая реформа» // Государство и право. — 1997. — № 12 — С. 5–26.
- [4] Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества: Международная научная конференция, 30 сент. — 1 окт. 2010 г.: Сб. докладов: В 2 т. Т. 1. / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т; редкол.: В.М. Шафиров (отв. ред.) [и др.]. — Красноярск: Центр информации, 2011.
- [5] *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Коммерсант. — 2012. — № 20. — 6 февр.
- [6] *Файнберг М.М.* Модернизация правовой системы Российской Федерации: проблемы теории и практики: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
- [7] Модернизация: Зарубежный опыт и Россия: Сб. статей / Под ред. И.А. Красильщикова. — М.: Инфомарт, 1994.
- [8] *Aron R.* Les desillusions du progress. — P., 1969.
- [9] *Bendix R.* Tradition and Modernity Reconcidered., Çjmparative Studies in Society and History. — The Hague. — 1967. — April. — № 3. P. 337–344.
- [10] *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. —2000. — Vol. 29. — № 1. — P. 3–39.
- [11] *Rostow W.W.* The stages of economic growth, a non-Communist manifesto. — Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

LEGAL ASPECTS OF MODERNISATION IN RUSSIA

F.G. Kamkiya

Faculty of Law

Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia

32, Kuybyshev st., Sochi, Russia, 354348

This article aims to study processes for modernisation in Russia. In particular, it examines the political and legal culture of political elites in Russia's history as well as modernisation practices. The author comes to the conclusion that the practice of struggle for human rights in the history of Russian modernisation has not held a leading position. When there have not been sufficiently reliable legal underpinnings (legal institutions) of democratic renewal, the ideas for the renewal of society may not be achieved and, as a rule, inverse processes easily arise. The author draws attention to the specifics of Russia and its culture as pre-requisites for a statist model of modernisation in which the state may and must lead in liberal transformations.

Key words: legal culture, middle class, administrative reform, judicial reform, successful modernisation, socio-cultural aspects of modernisation, the juridical aspect of modernisation, the subject of modernisation, counter-modernisation, traditions, ethnocracy, continuity in a legal system.